

ра осуществить перевод и опубликование всех новелл (с. 11), что, без сомнения, даст толчок отечественному изучению периода правления императора Юстиниана и его предшественников и преемников (возможно, это снимет и многие критические замечания по поводу комментария к “избранным новеллам”). Сам В.А. Сметанин обозначил в небольшой по объему работе максимальное число возможных направлений и тем, которые требуют переосмысления вследствие глубокого анализа всего правового наследия эпохи Юстиниана. Автор рецензируемого труда успешно осуществил разработку некоторых тем, до того весьма слабо или вовсе не затронутых в историографии (например, характер брачного права византийцев, с. 286–289, 292–297; причины феномена уменьшения количества юстиниановских новелл после 539 г., с. 41–42 и др.). Он предпринял и ряд почти автономных по отношению к основной идее издания исследований (мы имеем в виду трактат о развитии греческого языка на протяжении нескольких тысячелетий, с. 95–114; экскурс о топосах, с. 246–256 и др.).

В целом труд В.А. Сметанина может быть оценен однозначно. Рецензируемая работа необычна и по содержанию, и по композиции. Поверхностное знакомство способно породить впечатление об эклектичности и незавершенности, которое усиливается из-за немалого количества досадных опечаток в тексте. Однако внимательное чтение книги В.А. Сметанина формирует осознание правоты позиции и настойчивого стремления автора осветить по возможности наибольшее число неясных проблем юстиниановской эпохи. В связи с этим мы считаем данную публикацию “Избранных новелл Юстиниана” введением к будущему капитальному труду профессора В.А. Сметанина и надеяться на его скорый выход в свет.

В.В. Серов

Š a n d r o v s k a j a V.S., S e i b t W. unter Mitarbeit von N. Seibt. Byzantinische Bleisiegel der Staatlichen Eremitage mit Familiennamen. T. 1: Sammlung Lichačev–Namen von A bis I. Wien. 2005. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. T. 2: Byzantine Seals with Family Names / Ed. I. Jordanov. Sofia, 2006.

Просопографические штудии уже давно стали неотъемлемой частью византийских исследований. К настоящему времени опубликовано достаточно много работ как общего характера, так и частных, посвященных истории отдельных византийских родов. Неоценимым источником для подобных исследований служит сфрагистический материал. В этой связи крайне интересны недавние издания первой части каталога печатей с фамильными именами из собрания Государственного Эрмитажа (авторы – В.С. Шандровская и В. Зайбт, при участии Н. Зайбт) и второго тома корпуса византийских печатей из Болгарии, посвященного печатям с родовыми именами (автор И. Иорданов).

Высокая научная ценность работ очевидна: 102 печати рассмотрены в первом каталоге и 767 – во втором, причем многие из них опубликованы впервые. Изданные моливдовулы относятся в основном к концу X–XII в., т.е. к промежутку между моментом появлением родовых имен в Византии и началом угасания византийской сфрагистики, как таковой. Хронологические параметры болгарского материала дополнительно обусловлены тем, что именно в это время (с 1018 по 1187 г.) Болгария входила в состав Византийской империи.

Информативность византийских печатей весьма различна. Если частные печати, а их большинство в эрмитажном каталоге, несут на себе лишь имя и патроним владельца, реже его титул, то информация официальных печатей более полна: наряду с занимаемой должностью (должностями) часто указывается место службы собственника печати. Они преобладают в болгарском издании.

Следует отметить, что эрмитажные печати, происходящие из коллекции Н.П. Лихачева, беспаспортны, как и многие другие, входящие в сфрагистические коллекции государственных музеев (Дамбартон Оакса, Британского музея, Нумизматического музея Афин и пр.). Несомненное преимущество каталога И. Иорданова состоит в том, что места находок многих болгарских печатей достаточно точно локализируются, относительно других (это, к примеру, касается большой частной коллекции В. Пантелеева в Варне) известно лишь, что они найдены на территории Болгарии. Определенность происхождения моливдовулов позволяет автору ставить (и во многих случаях успешно решать!) сложнейшую задачу установления места и роли владельца печатей.

ти (а нередко и членов его семьи) в истории болгарских земель, что надежно подкрепляется сведениями нарративных источников. Так, сфрагистический материал показывает, что род Ватацев был связан с Болгарией на протяжении более 200 лет, печати представителей этой семьи были найдены в различных районах страны. Устойчивость подобных связей демонстрируют находки двух и более печатей, часто одной пары матриц, принадлежавших одному человеку.

При издании печатей с родовыми именами авторы каталогов используют методику, основы которой были заложены еще в конце XIX в. Г. Шлюмберге и которая получила свое дальнейшее развитие в более поздних сфрагистических изданиях. В комментариях к печати того или иного деятеля приводится известная на момент публикации информация о его роде, карьере и омонимах, с учетом того, что в византийских знатных семействах существовал определенный набор повторявшихся имен.

Во многих случаях издание печати становится поводом для полноценного исследования, и не только просопографического характера. Объем самих публикаций различен и зависит от полноты информации о том или ином деятеле и его роде. Так, издавая печать Стефана Вардалия (№ 84–85), И. Иорданов приводит данные обо всех представителях этого рода XI–XIV вв., используя как нарративные источники, так и неизданные пока сигиллографические.

Как показывают издатели эрмитажного каталога, даже в случае публикации частной печати с ее крайне ограниченной информативностью, возможна реконструкция *cursus honorum* ее собственника с привлечением иных источников. Например, при издании моливдовула Льва Арвантина (№ 25) авторы приводят его печати (не исключая, впрочем, наличия омонимов) как магистра, веста, вестарха, куропалата, новелиссима. При издании печатей со сходными патронимами возникает вопрос, насколько стабильным было написание того или иного родового имени. Так, можно согласиться с мнением В. Шандровской и В. Зайбга, что владельцы печатей – Лев, Мануил и Никита Арвантины, Иоанн Арвантин и Иоанн Арвинтин – были членами одной фамилии (№ 23–28).

Происхождение ряда семейств отразилось и в их патронимах. В основе некоторых фамилий лежат географические названия, например, Амастриды, Амасианы, Антиохи, Веспраканыты (Jordanov, № 32–34, 36–37, 72–73), Аркадиополиты, Халды, Харсианиты (Šandrovskaja–Seibt, № 32, 56, 60). В некоторых случаях было грецизировано имя реального основателя рода – араба или тюрка: Аплухеры (Jordanov, № 39), Аелгацы (Jordanov, № 20), Аплесфары (Šandrovskaja–Seibt, № 19), латинянина: Паули, Рогерии (Jordanov, № 596–597), армянина: Армянопулы, Гагикии (Šandrovskaja–Seibt, № 33; Jordanov, № 251), грузина: Липариты (Jordanov, № 401) или же мифического: Арсакиды-Аршакиды (Jordanov, № 61–68). Последние, естественно, не имели никакого отношения к превратившейся еще в 438 г. армянской ветви династии, но помнили о том, что Арсакидом был объявлен безродный армянский конюх, ставший василевсом Василием I. Как следствие, причисление данными лицами себя к Арсакидам свидетельствует об их несомненно армянском происхождении. В то же время довольно трудно объяснить происхождение фамилий, связанных с тем или иным почитаемым святым. Это Агиохристофориты, Агиофеодориты, Агиостефаниты, Агиозахариты и др. Лежит ли здесь в основе патронима имя почитаемого святого или же основатель рода был как-то связан с клиром, установить невозможно.

Иногда редкое фамильное имя дает возможность установить принадлежность того или иного собственника печати к конкретному роду. Так, Дзурбанел Апохарп, протоспафарий и стратиг (Jordanov, № 46–48) принадлежал к известной армяно-грузинской семье Чортванели из Тао (Тайка), будучи потомком Абухарба Чортванели, брата основателя Ивирона Торника. К сожалению, этот факт не отмечено в каталоге.

Републикация некоторых печатей вновь ставит перед исследователями ряд нерешенных вопросов. Так, известен Панкратий-Баграт Виген (Jordanov, № 105–112), судя по имени, – армянин. Здесь же издана печать Урсения Вигена со ссылкой на информацию о том, что некто Урсинус в 1097 г. передал Мамистру крестоносцам. Быть может, имя следует транскрибировать как Ошин?¹

В.С. Шандровская и В. Зайбт издают уникальную печать Иоанна Амиропула, патрикия и стратига Феодосиополя (№ 15), относя ее к 40-м годам XI в. Если датировка верна, возникает вопрос о месте фемы Феодосиополь в составе большой фемы Ивирия, образованной в 1022 г. (после 1045 г. – Ивирия и Великая Армения). Если же Феодосиополь предшествен на печати как самостоятельная фема, то этот моливдовул должен быть датирован временем до 1022 г.

¹ Так, Хетум на печати второй половины XI в. стал Хетамом. См.: Byzantine Seals from the Collection of George Zacos. Pt. II. L., 1999. N 114.

Переиздание печати Дамиана Добромира как дуки Фракии и Месопотамии (Jordanov, №168–169) вновь поднимает проблему: имеем ли мы дело с неизвестной фемой на Балканах, Западной Месопотамией, как полагают Н. Икономидис и В. Зайбт, или же Дамиан, будучи дукой Фракии, мог в случае необходимости привлекать военные контингенты Месопотамии? Известны случаи, когда под контролем одного стратига находились расположенные довольно далеко друг от друга фемы, как, например, Кефалония и Лангобардия².

Так как на территории Болгарии располагались поместья византийской знати, то ряд родов представлен в каталоге И. Иорданова печатями не только мужских представителей, как, например, Андроника, Аойноса, Георгия, Григория, Иоанна, Константина, Льва, Никифора Дук, но и дам – Анны, Евфросиньи и севасты Марии Дукен (Jordanov, № 188–190). О статусе Дук второй половины XI–XII в. свидетельствует их титулатура: почти все они севасты.

Следует отметить, что интерпретация информации, извлекаемой из печати основана на расшифровке ее надписи и реже – изображения. Достоверность раскрытия текста зависит как о количества сокращений в надписи, так и от сохранности самой печати³. В этой связи желательно крайне осторожно подходить к реконструкции издателем, а фактически к интерпретации им поврежденного или частично читаемого текста. Так, на печатях № 601–602 каталога И. Иорданова сохранилась лишь часть текста. Ее аналогии лучшей сохранности в настоящее время не известны. Сам издатель не решился предложить чтение надписи, заведомо понимая, что половина ее явится более или менее субъективной реконструкцией. Он сослался на мнение В. Зайбта, и печать была приписана протонovelлессиму Феодору Рупению. Но ни малейшей уверенности в этом нет⁴.

В целом оба каталога дают колоссальную информацию по просопографии византийских родов, так как авторы стремятся дать предельно полные данные об их представителях даже в тех случаях, когда их печати не фигурируют в каталогах. Авторы эрмитажного каталога показали, что даже располагая лишь именами и патронимами собственников печатей, но привлекая нарративные и сигиллографические источники, можно дать реконструкцию карьеры того или иного деятеля, а также очертить круг занятий его сородичей, для XI в. традиционных – это карьеры провинциальных фемных стратигов или иных чиновников фемной администрации. Жаль только, что каталог эрмитажных печатей охватывает пока печати представителей византийской элиты лишь от “А” до “И”...

В.П. Степаненко, Е.В. Степанова

Русский Орозий: заметки на полях

Нет нужды говорить, что “История против язычников в семи книгах” – важнейший источник по истории древнего Рима¹. Сведения, приводимые в нем, зачастую уникальны, в особенности если речь идет о поздней Римской республике или Римской империи, в том числе и

² Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1: Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea / Ed. J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, 1991: императорские протоспафарии и стратиги Кефалонии и Лангобардии Симеон (N 3.3), и Феодосий (N 3.4). См.: *Oikonomides N. L'évolution de l'organisation administrative de l'empire byzantine au XIe siècle (1025–1118)* // ТМ. 1976. Vol. 6. P. 126–152.

³ См.: *Seibt W. Seals and the Prosopography of the Byzantine Empire // Fifty Years of Prosopography. Proceedings of the British Academy. 2003. 118. P. 95–102.*

⁴ В свое время, публикуя плохо сохранившуюся печать и фактически реконструируя ее надпись на основе отдельных букв, В. Зайбт специально оговорил предельную гипотетичность данной реконструкции. Так что использовать печать (Фео)дора (Ар)сакида, (маг)истра и (кат)епана (Кар)са желательно крайне осторожно. См.: *Seibt W. Ἀρσάκιδης – Aršakuni – Armenische Aristokraten in Byzantinischen Diensten* // JÖB. 1944. Bd. 44. S. 356.

¹ В изложении греческой, ближневосточной и карфагенской истории Орозий в основном следует такому не слишком доброкачественному источнику, как Юстин (*Тюленев В.М. Павел Орозий и его “История против язычников” // Орозий Павел. История против язычников. Кн. I–III. СПб., 2001. С. 19–20.*